

ПЫШКА

Григорий Кирьянов

ПЫШКА

<https://litres.ru/74272707>

SelfPub; 2026

Аннотация

Богатой, чувственной, любвиобильной наследнице кондитерско-гостиничной империи по семейному трасту нужно за четыре месяца до тридцатипятилетия обзавестись «благопристойными, публично признанными отношениями» - либо навсегда потерять контроль над делом жизни своей семьи. Аудитор, присланный проверить компанию перед слиянием с европейской гостиничной династией, оказывается идеальным кандидатом, но человеком, чья семья пострадала от предательства её предков.

Содержание

Глава 1. Юбилей и приговор	4
Глава 2. Аудитор	16
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Григорий Кирьянов

ПЫШКА

Глава 1. Юбилей и приговор

Усадьбу «Стрешнево» готовили к вечеру три дня, а Аврора все три дня ходила по дому в старом отцовском халате и указывала, куда двигать столы, будто от миллиметра зависела судьба человечества. От неё в это утро зависела судьба ровно одного банкета, но масштаб не имел значения - она умела относиться к банкету так же серьёзно, как к спасению мира, и именно поэтому банкеты у неё получались, а мир пока держался сам по себе.

- Левее, - сказала она официанту, который тащил через зал десертный стол на колёсиках. - Ещё левее. Вот теперь ты закрываешь окно, и все будут смотреть только на пирожные, а не на закат, а закат я заказывала специально.

- У нас нет заката по записи, Аврора Дмитриевна, - заметил официант, парень по имени Стёпа, работавший в «Пышке» второй сезон и уже усвоивший, что с хозяйкой можно спорить, если делаешь это с умным лицом.

- Значит, будем работать с тем закатом, что бог послал бесплатно. Двигай.

Стол сдвинулся на нужный метр, и в открывшемся окне

солнце легло точно туда, где полагалось, окрашивая ряд эклеров в тот самый персиковый оттенок, который Аврора три недели выбивала у поставщика цветной глазури. Она позволила себе секунду полюбоваться результатом собственного упрямства, которое снова сработало.

Дом сегодня праздновал шестьдесят лет с того дня, как бабушка Матильда испекла свою первую партию сдобных пышек в подвале коммунальной квартиры и продала их соседям за деньги, которых у соседей, по легенде, тоже не было, поэтому расплачивались кто чем. С тех пор подвал вырос в сеть кондитерских, кондитерские - в сеть отелей, а сдобная булка стала семейным гербом, который печатали на всём, от коробок с эклерами до полотенец в номерах люкс. Сегодня открывали новое крыло усадьбы, отреставрированное так, что от прежнего облезлого барского дома осталась только удачно подсвеченная лепнина на потолке, и это тоже было заслугой Авроры, а не заката.

Она надела платье цвета вишни в коньяке - плотное, с открытым плечом, скроенное так, чтобы каждый лишний сантиметр её тела выглядел не лишним, а решённым заранее вопросом. Аврора давно перестала считать сантиметры и начала считать удовольствие, которое доставляло ей собственное отражение, и с тех пор жить стало значительно веселее. Зеркало в гардеробной подтвердило: сегодня она выглядела именно так, как хотела выглядеть женщина, чьё имя стоит на вывесках сорока отелей, роскошно, дорого и абсолютно

довольно собой.

К семи в парке перед усадьбой начали останавливаться машины, из которых выходили люди, знавшие цену не только своим костюмам, но и цену молчанию в нужный момент. Аврора встречала гостей у входа, потому что не доверяла эту роль никому - она умела за пятнадцать секунд разговора понять, кто приехал ради бабушкиного бренда, кто ради связей, а кто просто ради бесплатного шампанского, и с каждым говорила именно то, что тому было нужно услышать.

- Виталий Петрович, вы поправились, - сказала она директору сети отельных поставщиков, обнимая его за плечи. - Это комплимент, не переживайте, у нас тут все в непростых отношениях с весами.

- Аврора Дмитриевна, вы, как всегда, чудо, - расплылся Виталий Петрович, забыв, кажется, что минуту назад собирался обсудить проценты по новому контракту.

- Обсудим проценты после третьего бокала, - подмигнула она. - После третьего бокала я щедрее.

Она обнимала, целовала в щёку, шутила про чужие животы с той же лёгкостью, с какой шутила про свой, и гости расходились по залу довольные, словно уже получили скидку. Персонал она встречала иначе - не крупными жестами напоказ, а короткими репликами по делу, но каждому находила слово: горничной, у которой заболел ребёнок, повару, который третий день не спал из-за банкетного меню, флористу, доставившему пионы на два часа раньше, чем нужно,

но зато самые красивые пионы, какие только видела усадьба. Люди, работавшие на неё, знали: Аврора Стрешнева запомнит про твоего ребёнка раньше, чем запомнит цифру в твоей зарплатной ведомости, и это делало её не менее опасным начальником, а более преданной командой.

У самого входа, там, где парк переходил в подсвеченную колоннаду, она заметила мужчину, которого не приглашала лично и не узнавала по фотографиям из своей картотеки нужных лиц. Высокий, в сером костюме, сидевшем на нём так ровно, будто портной боялся лишний раз к нему прикоснуться. Он не смотрел на гостей и не тянулся к подносу с шампанским, который дважды проплыл мимо него за минуту, он смотрел на закат за окном с таким видом, каким проверяют счёт после неудачного ужина в дорогом ресторане.

- Вам не нравится закат? - Спросила Аврора, подходя. Не спросила - констатировала, потому что констатировать людям их собственное недовольство было её любимым способом завязать разговор.

- Он слишком точно совпадает с цветом вашей глазури на эклерах, - ответил мужчина, не оборачиваясь сразу. - Для случайности это подозрительно удачное совпадение.

- Для семьи, которая шестьдесят лет продаёт сахар людям, у которых, по легенде, на него не было денег, было бы странно оставить закат на волю случая.

Он наконец повернулся, и она увидела лицо, в котором не было ни одной черты, рассчитанной на банкетное освеще-

щение, оно было рассчитано на другое освещение, кабинетное, где не прощают лишних эмоций. Взгляд у него оказался внимательным до неприличия: он смотрел на неё не так, как смотрели на витрину, и не так, как смотрели на женщину в облегающем платье, а так, как смотрят на баланс, в котором дебет почему-то не сходится с кредитом.

- Театрально, - сказал он. - Даже для семьи, торгующей сахаром.

- А вы, простите, приехали оценивать закаты или всё-таки эклеры?

- Ни то, ни другое. Я приехал посмотреть, во что мне, возможно, придётся вложить деньги моих партнёров, и первое, что я вижу, это подсвеченный десертный стол, сдвинутый ради вида на солнце. Не самый убедительный аргумент в пользу серьёзности управления.

- Серьёзность управления, - произнесла Аврора медленно, с той улыбкой, которую приберегала для гостей, решивших, что могут учить её вести собственный дом, - это когда за один вечер ты одновременно спасаешь горничную с больным ребёнком, не даёшь поставщику зависить счёт на пионы и следишь, чтобы у сорока гостей не кончилось шампанское. Закат я сдвинула бесплатно, между делом, просто потому что умею. Кто вы, кстати, чтобы я знала, чьё именно неодобрение мне сегодня выслушивать вместо комплиментов.

- Ещё узнаете, - ответил он, и в его голосе не было ни кап-

ли того тепла, которым за вечер её щедро осыпали остальные сорок гостей, только сухая, почти профессиональная забавленность, - но не сегодня.

Он кивнул ей коротко, как кивают равному, а не хозяйке дома, и отошёл в сторону колоннады, оставив Аврору с недопитым бокалом и неприятным, будоражащим ощущением, что она только что проиграла раунд, правил которого не знала.

Мать нашла её у фуршетного стола, где Аврора пробовала канапе с копчёной уткой и делала пометки в блокноте - слишком солёно, надо сказать повару.

- Ты могла бы надеть что-нибудь менее облегающее, - сказала Ирина Дмитриевна вместо приветствия, окинув дочь взглядом.

- Могла бы. Но тогда пришлось бы отменить весь банкет, потому что без этого платья я бы не решилась выйти к людям, а без меня банкет никому не интересен, поверь.

- Люди говорят, Аврора.

- Люди всегда говорят, мама. Раньше они говорили, что у нас нет денег на новую крышу, теперь говорят, что у меня слишком много тела для платья. Прогресс налицо, крыша хотя бы не течёт.

Ирина Дмитриевна поджала губы - жест, отработанный годами дипломатических приёмов рядом с новым мужем, - и отошла к группе гостей, где можно было говорить про урожай винограда в Тоскане и не краснеть за дочь хотя бы

полчаса. Аврора проводила её взглядом без злости, скорее с привычной, немного усталой нежностью: мать не умела гордиться вслух, зато умела беспокоиться так громко, что это звучало почти как забота.

Настоящая тревога началась, когда зазвучали настроенные микрофоны и распорядитель попросил гостей перейти в большой зал, там, под свежей лепниной, на невысоком подиуме уже ждала Матильда Аркадьевна.

Бабушке было семьдесят восемь, и она носила это число как орден, спина прямая, взгляд острый, в руке бокал, который она не собиралась допивать, а собиралась использовать как реквизит. Матильда произносила такие речи раз в несколько лет, и каждый раз зал затихал не из вежливости, а из настоящего любопытства, при ней компания превратилась из подвала в империю, и ей было что сказать даже тем, кто давно устал слушать чужие юбилейные тосты.

- Шестьдесят лет назад, - начала она, и голос без микрофона долетел бы до задних рядов, но микрофон всё равно взяли, - я продала соседке три пышки за трёшку, которой у неё не было. Мы сошлись на банке варенья и старых чулках. С тех пор многое изменилось, кроме одного, в этой семье до сих пор умеют делать так, чтобы люди платили за то, чего у них, казалось бы, не было денег купить.

Зал засмеялся - тепло, узнаваемо, так смеются над шуткой хозяйки дома, которую слышали уже пять раз, но которая всё равно работает. Аврора улыбалась в первом ряду, гото-

вая произнести ответный тост про будущее, про новое крыло, про то, как хорошо стоять на плечах бабушкиного упрямства. Она даже придумала фразу про закат, который заказала специально, - хотела рассмешить зал этой же шуткой на публику.

Фразу она произнести не успела.

- Компания перейдёт к моей внучке полностью, - сказала Матильда, и в её голосе появилась та ровная, спокойная твёрдость, с которой в семье Стрешневых обычно объявляли не подарки, а условия. - Как только Аврора докажет этому дому, этой семье и, чего уж скромничать, всему присутствующему обществу, что способна на устойчивые, признанные отношения так же, как способна на устойчивый рост прибыли. У неё есть время до тридцать пятого дня рождения. Четыре месяца. Иначе доля остаётся за мной, а дальше я решу, кому её передать - так, как сочту нужным для будущего этого дома.

Зал не засмеялся. Зал сделал ту особенную тишину, в которой слышно, как звенит лёд в чужих бокалах. Аврора почувствовала, как на неё повернулось сразу сто пар глаз.

Она нашла взглядом Геннадия, тот стоял у колонны с бокалом коньяка, и по его лицу расплзалась улыбка человека, для которого вечер внезапно наладился гораздо лучше, чем он планировал. Мать в дальнем углу зала слегка побледнела, словно её только что публично признали правой в споре, который она предпочла бы проиграть. Зоя, стоявшая рядом

с фушетным столом, беззвучно произнесла одними губами слово, которое Аврора предпочла бы не читать по губам на людях.

Аврора Стрешнева не была бы Авророй Стрешневой, если бы позволила ста парам глаз увидеть, как земля уходит у неё из-под ног. Она поднялась, взяла свой бокал и вышла на середину зала с той же лёгкостью, с какой минуту назад собиралась шутить про закат.

- Что ж, - сказала она, и голос прозвучал ровно, тепло, чуть насмешливо, - бабушка только что публично поставила мне срок на личную жизнь, как будто я подрядчик, задерживающий сдачу объекта. Должна признать, это самый неромантичный дедлайн, который я получала за тридцать четыре года, включая тот случай, когда мужчина назначил мне встречу через приложение для доставки суши.

Смех прошёл по залу неровно, но прошёл, люди хотели вернуться в безопасную зону, и Аврора им эту зону вернула.

- Но раз бабушка настроена серьёзно, - продолжила она, поднимая бокал выше, - предлагаю выпить за то, что за шестьдесят лет эта семья ни разу не отступала перед сроком, который сама себе назначила. Мы сдавали кондитерские раньше графика, отели - раньше графика, и, видит бог, личную жизнь я тоже постараюсь сдать без просрочки. За «Пышку».

Зал засмеялся уже настоящим смехом, зазвенели бокалы, оркестр вовремя подхватил паузу музыкой, и вечер, будто

послушная лошадь, снова пошёл рысью в нужную сторону. Только Матильда, чокаясь с внучкой, посмотрела на неё чуть дольше, чем того требовал тост, взгляд был не злым, скорее оценивающим, будто бабушка проверяла, выдержит ли материал нагрузку, прежде чем ставить на него дом.

Настоящий разговор случился через час, в маленькой гостиной за кухней, куда Аврора сбежала якобы проверить десертный стол, а на самом деле - подышать без ста пар глаз. Зоя нашла её там же, где находила всегда, когда что-то шло не так, - рядом с подносом эклеров, которые Аврора методично уничтожала, не замечая этого.

- Ты как? - спросила Зоя, закрывая за собой дверь.

- Прекрасно. Меня только что продали с аукциона перед сорока поставщиками и собственной матерью, но десерты удались, так что вечер не пропал зря.

- Она серьёзно?

- Она всегда серьёзно. В этом и беда. - Аврора отложила недоеденный эклер и провела рукой по лицу, стирая не косметику, а десять секунд усталости, которые она никому не показывала на людях. - Четыре месяца, Зоя. У меня четыре месяца, чтобы либо влюбиться по расписанию, либо потерять дело, которое строили три поколения этой семьи, включая ту бабушку, которая сейчас пьёт шампанское в соседнем зале с видом человека, только что подписавшего мирный договор.

- Ты справлялась и с более странными сроками.

- Со сроками по поставке кремовых тортов - да. Со сроками по любви не пробовала. У меня богатый опыт по количеству, Зоя, а не по расписанию.

Зоя, единственная в этой семье и в этом здании, кому Аврора могла сказать такое вслух, не боясь, что фраза завтра появится в чужом телефоне, только фыркнула и налила две рюмки коньяка из графина, оставленного здесь предусмотрительным барменом.

- Тогда выбери количество и сделай вид, что это качество, - сказала она. - У тебя целая картотека мужчин, готовых подтвердить прессе что угодно за место в твоей жизни хотя бы на четыре месяца.

- Мне не нужно, чтобы кто-то подтвердил прессе. Мне нужно, чтобы бабушка поверила. А бабушка всю жизнь торговала настоящим товаром и обман чувствует по запаху лучше собаки на границе.

Она посмотрела на своё отражение в тёмном окне гостиной, платье цвета вишни в коньяке всё ещё сидело безупречно, лицо всё ещё держало улыбку, отработанную для банкетов, и только глаза выдавали, что хозяйка вечера сейчас считает не гостей, а недели.

В дверь постучали коротко, по-деловому - так стучал только Артём, её помощник, когда новость не терпела десерта.

- Аврора Дмитриевна, простите, что не вовремя, - сказал он, просунув голову в комнату, и по его лицу она сразу по-

няла, что вечер приготовил ей ещё один сюрприз сверх бабушкиного. - Звонили из офиса Корвинов. Аудитор, которого нам обещали через неделю, меняет план.

- В какую сторону меняет?

- В нашу невыгодную. Он уже в стране. Более того, - Артём замялся, явно не зная, как подать вторую часть новости так, чтобы она прозвучала менее катастрофично, - он сегодня был приглашён на юбилей как представитель партнёров по будущей сделке, просто визитку не подписали вовремя, и охрана на входе не сверилась с полным списком. Он сейчас в этом доме. Где-то среди гостей, что остались на неофициальную часть вечера.

Аврора медленно опустила рюмку на стол, не донеся до губ.

- То есть человек, от которого зависит, подпишут ли Корвины слияние, весь вечер смотрел, как моя семья продаёт меня с молотка перед сорока гостями, а я даже не знаю, как он выглядит.

- Не совсем так, - сказал Артём, и по его тону стало ясно, что и это ещё не всё. - Знаете, тот высокий мужчина в сером, с которым вы час назад разговаривали у входа про то, что заказанный вами закат, цитирую, "слишком театральный даже для семьи, торгующей сахаром"?

Зоя за спиной Авроры издала звук, средний между смехом и предупреждением беды.

- Это он.

Глава 2. Аудитор

Лев Корвин прилетел в Москву на день раньше графика по одной простой причине: отчёты, которые присылает компания к визиту аудитора, показывают компанию так же честно, как парадный портрет показывает человека с похмелья. Он хотел увидеть «Пышку» до того, как её причешут, и для этого требовалось оказаться в нужном месте, пока хозяева ещё не знают, что за ними наблюдают.

В машине по дороге в усадьбу он в третий раз просматривал документы предварительного аудита, хотя знал их почти наизусть, привычка, оставшаяся с тех лет, когда цифры были единственным, что в доме Корвиных ещё можно было проверить и на что-то опереться. Артур, его помощник, сидевший рядом с ноутбуком на коленях, покосился на эту третью проверку с тем выражением, с каким смотрят на человека, пересчитывающего сдачу в булочной.

- Вы же выучили это ещё в самолёте, - сказал Артур.

- В самолёте я выучил цифры. Сейчас я проверяю, не ошибся ли, когда учил цифры в самолёте.

- Это называется тревожность, Лев Аркадьевич, а не дью-дилидженс.

- Это называется профессия, - ответил Лев, не поднимая глаз. - У меня нет права на цифру, которая не сходится, потому что за моей спиной нет второго дома, куда можно пе-

реехать, если сделка провалится.

Артур не стал спорить. Он работал с Львом четыре года и знал, за этой фразой стоит не красивая метафора, а буквальный факт. «Мезон Корвин» держался последние три сезона на честном слове и кредитной линии, которую банк продлевал из уважения к фамилии, а не к балансу. Дед Льва вывез из России фамильную гордость и рецепты нескольких блюд, но не вывез капитала, и всё, что семья построила во Франции и Австрии за три поколения, теперь должно было либо срастись с русскими деньгами через это слияние, либо тихо остановиться, как останавливаются старые часы, которые никто вовремя не завёл.

Часы, кстати, были его личной слабостью, о которой в компании не знал никто, кроме Артура. Не наручные - настенные, каминные, любые механические, у которых внутри что-то однажды сломалось и требовало терпеливых рук. У Льва в венской квартире стояло семь таких, приведённых им в чувство лично, по вечерам, под лампой, без свидетелей. Это было единственное время суток, когда ему не нужно было ничего доказывать балансу, семье или самому себе, только маленькому механизму, который либо начинал тикать снова, либо нет.

Совет директоров «Мезон Корвин» собирался через одиннадцать недель, и на этом совете Огюст обещал акционерам либо подписанное соглашение о слиянии с русским партнёром, либо план ликвидации трёх отелей в Альпах, тех

самых, которые дед Льва выкупил в шестидесятых на деньги, вырученные с продажи фамильных драгоценностей, вывезенных из России в подкладке пальто. Лев вырос с историей об этом пальто раньше, чем выучил таблицу умножения, и с тех пор относился к цифрам компании не как к абстрактным показателям, а как к продолжению этого пальто - вещи, которую нельзя потерять во второй раз. Если слияние с «Пышкой» срывалось, три поколения аккуратной, униЗИтельно бережливой работы заканчивались тем же самым словом, каким закончилась история семьи в России, конфискация, только теперь добровольная, оформленная через банкротство.

Он вышел из машины на подъездной дорожке за час до официального начала приёма, специально, чтобы пройти по территории без сопровождения хозяев, посмотреть на кухню, склады и подсобные помещения глазами человека, которому предстоит объяснять акционерам, во что он предлагает вложить их последние спокойные деньги. Артур, привыкший к этим внеплановым обходам, молча шёл следом с планшетом и фиксировал то, что диктовал Лев, состояние холодильного оборудования, маркировку на коробках, скорость, с которой персонал реагировал на нестандартную ситуацию.

На кухне молодая су-шеф, увидев двух незнакомцев в костюмах, уронила противень с меренгами и всё утро потом извинялась перед проверяющими за испорченную партию. Лев коротко сказал, что противень не входит в предмет провер-

ки, и попросил Артура записать её имя, не для отчёта, а для себя. Позже, уже перед уходом с территории кухни, он оставил на разделочном столе конверт с суммой, равной месячному окладу этой самой су-шеф, попросив у экономки передать его «как компенсацию за нервный стресс от внеплановой проверки» и ни в коем случае не упоминать, от кого. Это была маленькая, тщательно скрываемая привычка, которую не знал никто, кроме Артура, Лев не выносил вида человека, наказанного бедностью за чужую власть, потому что помнил слишком многих таких людей в собственной семье, и каждый раз, когда мог незаметно исправить маленькую несправедливость деньгами, делал это молча, будто расплачивался по старому счёту, который вела не бухгалтерия, а совесть.

К парадному крыльцу Лев вернулся, когда уже смеркалось, и успел заметить главное: подсветку крыла отеля включили именно в тот момент, когда солнце садилось за деревьями, слишком точно совпадая по времени, чтобы быть случайностью. Он отметил это - не как красоту, а как деталь, характеризующую руководство, люди, умеющие рассчитать эффект до минуты, обычно умеют считать и остальное. Пока это работало в пользу компании.

Пропуск на приём для него подготовили с опозданием, юридический отдел партнёров тянул с формальностями до последнего, и охрана на входе, получив список гостей без его имени, просто пропустила «представителя партнёров по сделке» без лишних вопросов, приняв деловой костюм за до-

статочное подтверждение статуса. Так Лев оказался внутри на день раньше расписания и без предупреждения хозяев, именно то, чего он и добивался, хотя не рассчитывал получить это так буквально.

Первые полчаса он провёл у колоннады, наблюдая за залом издалека, и то, что он видел, ему активно не нравилось.

Хозяйка вечера - а это могла быть только хозяйка, судя по тому, как вокруг неё перестраивалось пространство, двигалась по залу так, будто зал существовал для того, чтобы её обнимать. Она хохотала, запрокидывая голову, целовала в щёку пожилого мужчину с брюшком и что-то говорила ему на ухо так, что тот краснел от удовольствия. Она шутила с официантами, как со старыми друзьями. Она пила шампанское не маленькими светскими глотками, а с удовольствием человека, для которого бокал часть вечера.

Лев смотрел на это и вспоминал не зал, а другую комнату, много меньше, гостиную бабушки в Вене, где на стене висел единственный уцелевший портрет прадеда и где ребёнком ему объясняли, что фамилия Корвиных пережила конфискации, ссылку и два языка не для того, чтобы её представитель однажды позволил себе выглядеть так же несобранно, как эта женщина в вишнёвом платье. Сдержанность в его семье была не характером, а инструментом выживания, единственным, что осталось, когда всё остальное отняли. Люди, которые могли себе позволить громкий смех на публике, в его личной системе координат делились на два типа: те, ко-

му никогда ничего не отнимали, и те, кто ещё не понял, что может потерять. Ни один из типов не внушал ему доверия как деловой партнёр.

Он подошёл к окну у входа, чтобы отойти от толпы и снова свериться с цифрами, и там застал ту же женщину - уже одну, без свиты гостей, разглядывающую закат за стеклом с явным самодовольством человека, полюбовавшегося результатом собственной работы.

- Вам не нравится закат? - Спросила она, подходя.

Он ответил что-то про цвет глазури на эклерах - в моменте формулировка показалась ему точной, только потом, вспоминая разговор, он понял, что фраза прозвучала мельче, чем он хотел, а её ответ про сахар и людей без денег на него - крупнее, чем он ожидал. Она парировала быстро, без паузы на подумать, и в этой быстроте не было ни капли наигранности, только привычка выигрывать разговор без подготовки, наработанная явно не за один банкет.

- Театрально, - произнёс он тогда, вслух, хотя думал уже не совсем это. - Даже для семьи, торгующей сахаром.

Она спросила, кто он, чтобы знать, чьё неодобрение выслушивать. Он не ответил прямо, не из желания сохранить интригу, а потому что не был уверен, что ответ прозвучит так же уверенно, как её вопрос. Отошёл к колоннаде и, только отойдя, заметил боковым зрением, женщина в вишнёвом платье, ещё не остыв от их короткой перепалки, повернулась к пробегавшей мимо горничной и о чём-то её спросила,

серьёзно, без тени той театральности, которую он ей только что приписал. Горничная закивала с явным облегчением. Это была деталь, не укладывавшаяся в его схему, и Лев отложил её в сторону, как откладывают документ, который не хочется подшивать к делу немедленно.

- Вы уже успели с кем-то поссориться, - заметил Артур, найдя его у колоннады. - Десять минут в здании.

- Я не ссорился. Я формировал первое впечатление.

- Судя по вашему лицу, впечатление сформировало вас в ответ.

Лев не удостоил это комментарием. Вместо этого он прошёл вслед за основным потоком гостей в большой зал, куда всех созывали к началу официальной части, формально он тоже был приглашённым, а значит, имел полное право стоять в заднем ряду и наблюдать за компанией в её самом естественном, непричёсанном состоянии: на собственном юбилее, перед своими же людьми.

Пожилая женщина на подиуме, как оказалось, основательница дома, та самая легендарная Матильда, чьё имя стояло в каждом отчёте, говорила о шестидесяти годах и трёх чулках, которыми когда-то расплатились за первую партию выпечки. Зал смеялся тепло, привычно. Лев отметил про себя, хороший актив, хорошая легенда бренда, работающая на публику десятилетиями без обновления сценария, и тут же поймал себя на том, что оценивает шутку старухи.

Дальше произошло то, чего не было ни в одном отчёте.

- Компания перейдёт к моей внучке полностью, - объявила Матильда, и голос её стал другим, деловым, - как только Аврора докажет способность на устойчивые, признанные отношения. У неё есть четыре месяца. Иначе доля остаётся у меня.

Лев замер с бокалом в руке, не донеся его до губ, привычка, которую он счёл бы недопустимой у клиента и которую сейчас совершил сам. Профессиональная часть его сознания среагировала мгновенно и хладнокровно: нестабильность в структуре собственности, публично объявленное условие передачи контроля, завязанное на личной жизни ключевого управленца, именно такой пункт полагалось выносить красным шрифтом в разделе рисков. Дом Корвинов не мог позволить себе слияние с активом, чья судьба зависела от того, найдёт ли наследница мужчину за назначенный срок, как не может позволить себе купить дом, чьи стены держатся на честном слове соседей.

Но было и другое, менее профессиональное, зал молчал той тишиной, которую Лев узнал бы где угодно, потому что слышал её раз в жизни, ребёнком, стоя рядом с бабушкой на собрании, где чужие люди вслух решали судьбу его семьи, пока сама семья могла только стоять и слушать. Он не додумал эту мысль до конца, но неприятный холодок в груди остался и не желал списываться на сквозняк из открытых окон.

Женщина в вишнёвом платье - Аврора, теперь у неё было

имя, поднялась под сто взглядов и вместо того, чтобы дать залу насладиться её растерянностью, забрала разговор себе за десять секунд. Шутка про приложение для доставки суши, тост про сроки поставки, и зал, только что готовый шептаться, снова смеялся вместе с ней, уже её смехом, а не над ней. Лев наблюдал это с профессиональным интересом человека, который умеет отличить хороший антикризисный PR от везения, и вынужден был признать, то, что он видел, было не везением.

Он всё ещё не знал, куда деть это признание, когда вспомнил про пропущенный звонок и вышел на террасу, чтобы перезвонить дяде.

- Ну как она тебе, эта их наследница? - спросил Огюст вместо приветствия, будто уже знал, что Лев успел на неё посмотреть, а не только на бухгалтерию. Дядя всегда узнавал такие вещи раньше, чем ему их сообщали.

- Рано делать выводы. Компания держит форму лучше, чем я ожидал, хотя сегодня публично объявили условие о передаче доли, завязанное на её личной жизни. Это ляжет в отчёт как фактор риска.

- Меня больше интересует земля под их флагманской усадьбой, а не её личная жизнь, - сухо заметил Огюст. - Тверская область, если не ошибаюсь. Стрешнево. Название мне почему-то знакомо, хотя не могу вспомнить откуда - возможно, бабушка когда-то упоминала. Проверь при случае документы по истории участка, для полноты картины. И перезво-

ни мне до подписания протокола.

Лев пообещал и отключился, не придав фразе про название усадьбы особого значения, мало ли что казалось знакомым восьмидесятилетнему человеку, помнившему три языка и полтора десятка утраченных адресов. У него самого сейчас были заботы понасущнее топонимики. Он вернулся в зал и там же, у окна, столкнулся с Артуром, державшим телефон с таким лицом, с каким обычно приносят не самые удобные новости.

- Вам ещё звонил дядя Огюст, пока вы были на террасе, - сказал Артур. - Просил перезвонить сегодня же, что-то по документам к слиянию.

- Уже перезвонил. Что ещё?

- И ещё, - Артур понизил голос, явно наслаждаясь моментом больше, чем следовало помощнику. - Я узнал, кто эта женщина у окна, с которой вы обсуждали закат. Кто-то из персонала обратился к ней «Аврора Дмитриевна», и я на всякий случай уточнил у распорядителя. Это не гостья и не родственница на подхвате.

Лев почувствовал, как то самое сдержанное лицо, которое он держал перед клиентами, семьёй и собственным отражением последние пятнадцать лет, на секунду перестало ему подчиняться.

- Договаривай, - сказал он, хотя уже знал ответ по тону Артура.

- Это генеральный директор «Дома Пышка». Ваш главный

объект аудита на ближайший месяц. Та самая, чью личную жизнь бабушка только что назначила пунктом бизнес-плана.

Лев медленно опустил бокал на подоконник рядом с собой, тем самым, у которого час назад его же собственная колкость про театральность разбилась о встречный удар про сахар и деньги, и понял, что первую встречу с ключевым активом сделки он уже провёл. Провёл её не как аудитор, а как раздражённый незнакомец, и отменить это первое впечатление, судя по всему, не выйдет уже никаким официальным протоколом.

- Завтра, - сказал он Артуру, - подавай заявку на полный доступ к финансам с самого утра. Не через неделю, как планировали. Прямо с утра.

- Вы же собирались сначала выстроить с ней рабочие отношения, аккуратно.

- Протокол только что изменился, - ответил Лев, глядя в сторону зала, где Аврора Стрешнева уже снова смеялась в окружении гостей, будто час назад ничего не произошло ни на подиуме, ни у этого окна. - И, кажется, изменился не по моей инициативе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.